Надежда Большакова

ПРАВДИНКИ ВАСИЛИЯ СЕЛИВАНОВА

Рассказы

УДК 398.21

ББК 84 (2 Рос.)

Б79

Без права продажи

Автор: Надежда Павловна Большакова
Художник: Татьяна Юрьевна Кугавда

Большакова Н.П. / **Правдинки Василия Селиванова**– Мурманск:, 2014. – 36 с.

«Издание осуществлено в рамках подпрограммы «Укрепление этнокультурного многообразия, гражданского самосознания и патриотизма в Мурманской области», государственной программы Мурманской области «Государственное управление и гражданское общество» на 2014-2020 годы, утвержденной Постановлением Правительства Мурманской области № 555-ПП от 30.09.2013» по заказу Государственного областного бюджетного учреждения «Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера»

Все представленные материалы собственность Н.П. Большаковой и Т.Ю. Кугавды и охраняются законом об авторском праве. Любое использование материалов без согласования с авторами запрещено.

Печатается в авторской редакции

978-5-9906193-1-9

ISBN 978-5-9906193-1-9

9 785990 619319

© Оформление. АНО «Арктический центр научных исследований и экспертиз», 2014
© Большакова Н.П., 2014
© Кугавда Т.Ю., 2014

Как я на коньках катался

Когда жил в Воронье, любил на коньках кататься, но крепление их к валенкам с помощью веревочек и палочек считал крайне несовершенным – очень скоро коньки начинали проворачиваться. И однажды меня осенило – а не приморозить ли их к валенкам! Подъехал к проруби, где ворончане брали воду для домашних нужд, и, убедившись, что никто не помешает и не отругает меня, окунул коньки в прорубь так, чтобы вода замочила и подошвы валенок. Затем лег на спину в снег и поднял ноги кверху, давая время конькам

примерзнуть к валенкам. В морозный день они намертво примерзали к валенкам. А так как валенки надевались на ногу с липтами[1], холодно не было совсем. Когда приходил домой, валенки с коньками оставлял в сенях, где было так же холодно, как и на улице. Ребятня, конечно же, похвалила меня за выдумку, но примеру не последовал никто. Может, родителей побаивались, которые за эту выдумку их по голове бы не погладили. Да меня самого мама сильно журила, а бабушка усмехнулась лишь, мол, и чего ребенка за сообразительность...

[1] Липты – меховые чулки выше колен, сшитые из оленьей шкуры шерстью внутрь.

Коньковый ход на лыжах

Задолго до того, как спортсмены на лыжах коньковый ход освоили, я по плотному снегу уже на них ходил, как на коньках. Не знаю, какой страны лыжники явились пионерами конькового хода, но себя я считаю октябренком этого способа и бега.

В последний год войны нам в школу кто-то привез несколько пар широких солдатских лыж. Я было им обрадовался, снял со своих узких крепления, приспособил на широкие и поехал. Но те оказались такими непослушными, тяжелыми: лыжина на лыжину наезжает и едет, куда ей вздумается, совершенно не повинуясь мне. Вконец разочаровавшись в широких лыжах, я снял крепления и переставил их вновь на свои узкие. Эти лыжи мне брат еще с Ловозера, где учился, в село Воронье привез, а уж я их в Териберку доставил. Очень аккуратно относился к ним, хотя иногда все же с крыш сараев, как с трамплинов, прыгал. Этот способ вороньинской детворе опять же мой брат подсказал, он в Ловозере фильм про лыжников видел, который мы в Воронье в ту пору не смотрели еще. И так он про эти прыжки спортсменов с трамплинов увлеченно рассказывал, что заразил всех, а мы ничего лучшего, как крыши сараев в виде трамплинов, конечно же, не нашли. И прыгали, кто как горазд. Один раз я так переусердствовал, что приземлился в прыжке не на лыжи, а на спину и несколько минут лежал бездыханным. Оклемался, встряхнулся и на следующий день вновь с друзьями на крышу лез, для совершенствования этих самых прыжков.

Ложь во имя доброты

Отца взяли на фронт на втором году войны. И вот в пору святочных Рождественских дней бабушка решила организовать гадание. Она многое знала и умела, взять хотя бы тот факт, что, когда в Воронье дети рождались, счастливые родители сразу несли их бабушке, а она им по Святцам имена выбирала. При мне одного мальчишку Ярославом нарекла, до сих пор в Териберке живет. А в Святки 1942 года организовала, значит, гадание. Я тогда еще в школу не ходил, но уже явился участником действа этого. На столе горящая свеча, на блюдце – кольцо с пучком волос гадающего. Сначала бабушка гадала на саму себя, потому как страстно хотела увидеть моего отца, затем двум моим братьям и, наконец, мне. Когда я узнал, что ни бабушке, ни моим братьям ничего увидеть не удалось, у меня созрел коварный план: совершить обман во имя доброты. И я с серьезным видом, глядя на кольцо и пепел своего локона, стал вещать, что вижу отца, спящего в землянке под шинелью… Бабушка была вне себя от радости и на следующий день о моем этом «видении» узнали не только родственники, но и все сельские жители. Я долго мучился, что солгал тогда, а спустя много лет узнал, что ложь во имя добра – не грех. Так я, любя свою бабушку и считая ее своей второй матерью, этим наивным детским обманом хотел вернуть в ее сердце спокойствие – отец жив и с ним все в порядке. Кстати, и мой старший брат воспринимал бабушку как маму, называя янной (мамой), по тому, как звал ее отец, а жену свою, нашу мать, он Сарой называл. Сокращенно от Серафимы. Сарой называл ее и мой старший брат.

Коми народ твердый, а саамы – мягкий, покладистый

Мать у меня была по национальности коми-ижемка. А «комиков»-ижемцев саамы называли кэрт пецк – твердый печок. Когда у саама печок (шуба из оленьего меха внутрь) намокал, а затем высыхал, он становился твердым и неуютным. Вот за твердый характер людей коми национальности саамы так и прозвали. И у нас мать была с резким, твердым характером, держала детей своих в ежовых рукавицах. Коми – народ твердый, а саамы – мягкий, покладистый. У меня мама – коми, а отец – саам. Мама приглянулась отцу, потому что красивой была. В Вороньей так или иначе все жители друг другу родственники, а потому нужно отцу было невесту на стороне искать. Вот он маму и выбрал. Когда мать родители в саамскую семью моего отца отдавали, сказали: «Проживет с саамом год-два и вернется назад». А у нее дети пошли: сын, второй, я – третий, еще сын, две дочки и еще братик-довесочек, родившийся после войны. Правда два года только и пожил – умер. Вот мать от отца и не ушла, привязалась. Как весна придет, сядет на оленью упряжку и в Ловозеро за картошкой едет. Саамы-то огородами не занимались, а вот коми картошку сажали всегда.

Мне запомнилось, как я, приехав по осени в Ловозеро учиться в пятом классе, у бабушки во дворе целую гору картошки увидел. Коми бабушка моя очень нелюдимой была, и пожив у нее несколько дней, я от нее в интернат ушел. Жить, точно в ледовом панцире, не

смог. С ребятишками быстро сошелся и, может, жил бы в Ловозере, учился, да только уж очень холодно и голодно в интернате было. Когда спать ложились, под подушку ложку с вилкой клали, чтобы во сне наесться и напиться. Пошло это от русских ребят. Кто-то предложил сделать так – и все тут же последовали этому совету, так есть хотелось. Но, признаюсь, мне еда во сне ни разу не приснилась. У меня уже тогда некоторые признаки рахита были, потому и в Териберку из Ловозера переехал, там с питанием лучше было. Опять же морскую рыбу можно было поймать или купить.

Родители дом в Воронье продали, корову успели забить, пока сама от голода не пала, и мясо продать… И деньги в семье какие-никакие появилась...

В Териберку мы в марте месяце перебрались, когда на дворе еще в разгаре стояла зима. И ведь осмелился отец в такое время года целым табором в Териберку перебираться! Расстояние от Воронья до Териберки 80 километров, а ехали мы на санях с оленями по снежной тундре несколько дней.

Через год мой папаша на этих же важенках съездил в Воронье, где оставались жить еще моя прабабушка с дочкой, их забрал и вновь через всю тундру на оленях, привязав бабушкину корову к саням, притащил в Териберку. Продержали мы эту прабабушкину корову в Териберке год или два (здесь возникла проблема с заготовкой сена) и забили. А еще через год отец в Териберку и всех оленей прабабушкиных перегнал.

Я только недавно узнал, что в человеке как существует ген алкоголика или наркомана, так же ген лени присутствует. Если вовремя этот ген победить, человек становится трудоголиком. Но существуют и такие, у которых этот ген непобедим, и тогда человек погрязает в грязи, делать ничего не хочет, а чтобы выжить, начинает браконьерить или хуже еще – воровать. Двух таких лентяев отец заловил, когда те чужого оленя убили, так они его позже поймали и так избили, что отец еле-еле оклемался. Саамские парни это оказались, с Пулозера, было им по 15-16 лет, и работать они не хотели совсем...

Любовью к чтению я обязан бабушке

Бабушка моя, Анисья Павловна, не просто множество саамских сказок знала, но еще их интересно и образно нам рассказывала. В годы войны, при постоянных перебоях с керосином, бабушка и тогда сидеть в темноте без дела не могла. По вечерам печку буржуйку топили, и она при ее открытой дверке шила, вязала, уводя нас, ребятишек, в сказочный мир. А когда весь запас сказок у бабушки заканчивался, желала нам самим скорее грамоту осваивать и познавать сказочный мир по книгам уже. И этой своей любовью к чтению я обязан прежде всего бабушке Анисье Павловне.

У профессора Алексея Киселева в книге о саамах прочел, что, мол, бабка Анисья Селиванова знала грамоту. И это его пренебрежительное «бабка Анисья Селиванова» так оскорбило меня, что затем долго не мог ничего Киселева читать. Для меня она самая родная бабушка была, своеобразная Арина Родионовна, а кто-то взял и в книге ее «бабкой» назвал.

А, между прочим, она не только сама грамоту на базе церковно-приходской школы знала, но и сыну своему в этом же объеме грамоту дала. У меня механическая память на сказки гораздо хуже, чем у бабушки была, зато отец их знал великое множество и все длинные... Когда Александра Андреевна Антонова от института приехала в Териберку сказки записывать,

пришла и к моему отцу. Для этого в нашем доме собралась вся родня, чтобы сказки послушать. А он за вечер только две сказки ей и рассказал, такие они у него были длинные. Причем умудрялся в повествование и от себя разные словечки вворачивать, делая это к месту и очень здорово. Так, например, есть у саамов птица, называющаяся пуч похкал – «птичка, которая все время головой кивает». Саамы же ее, мягко выражаясь, прозвали «хрен попадешь». И я до сих пор жалею, что не наградили меня родители механической памятью, ни одной бабушкиной сказки с детства не запомнилось. А вот с памятью логической у меня все в порядке было. Пять лет в институте я высшую математику, теоретическую физику, высшую алгебру учил – все на высшем уровне. Потому и Бога не приемлю. Окончив физмат, можно все с научной точки объяснить: почему правый берег выше левого, сколько нужно использовать материала для постройки на участке в один гектар того или иного сооружения или как 400 граммов мяса в одной банке уместить… И всегда я с бабушкой пытался спорить о том, что Бога нет, а доказательной базы не имел, и меня это не по-детски злило, а бабушку – сердило. Ей слышать от любимого внука такие слова нестерпимо было.

Похоронил жену – женись на девушке

Когда я, садясь кушать за стол, забывал шапку снять, бабушка в сердцах хватала ее с моей головы и бросала на скамейку, резко говоря: «Садишься кушать – шапку снимай, а то еще на вдовушке женишься».

Тогда жениться на вдове недопустимым считалось. Только недавно и прочитал: похоронил жену – женись на девушке. С вдовицей и сам долго не проживешь. Это сейчас перевернулось все с ног на голову, а тогда жениться на вдовушке считалось грехом, на девушке и только на девушке.

На четырех языках

Я считаю, что в нашем роду был хороший ген познания языков. У Киселева в книге «Советские саамы» было, например, сказано, что в веже у саамов висел календарь на английском языке. Я не исключаю, что вполне возможно кто-то из саамов мог и этот язык знать. У нас дома говорили на четырех языках.

Отец очень быстро освоил коми язык и с матерью на коми говорил, а вот мать, живя с ним всю жизнь, саамский осилить так и не смогла.

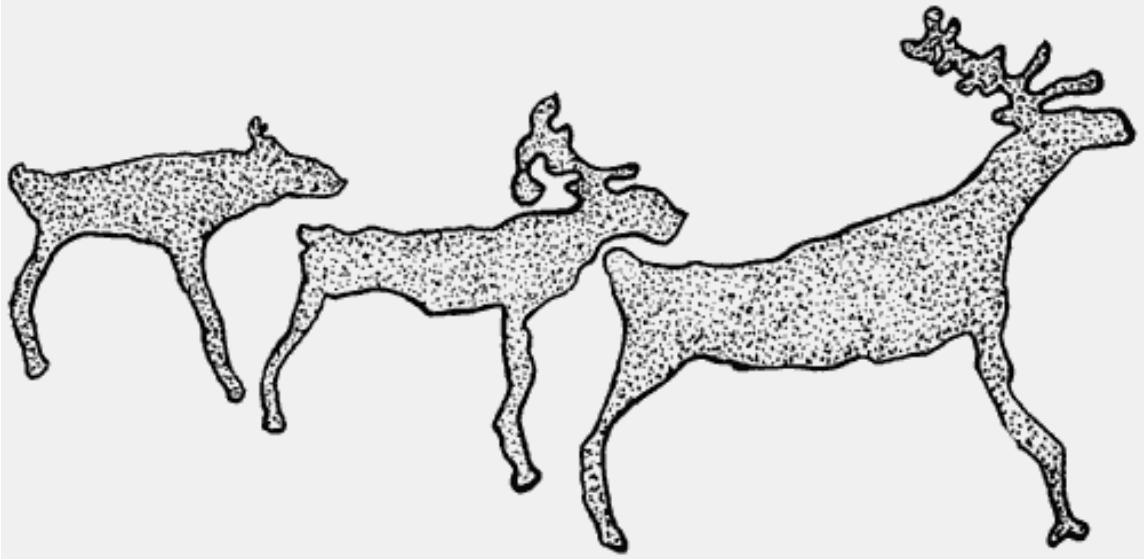
Бабушка не говорила по-фински, хотя много общалась с финнами, когда в Ваенге жила (район Североморска). А вот моя прабабушка финский язык знала и иногда со своей дочерью (тетей Паней) по-фински говорила, но чаще все же предпочитала по-саамски говорить. А тетушка Паня и на финском, и на коми языке говорила помимо саамского и русского. Бабушка с нами и с матерью разговаривала на русском языке.

Дома с матерью мы, дети, разговаривали на русском языке и коми, с отцом и тетушкой Паней – на саамском и тоже на коми. Так под крышей нашего дома говорили на четырех языках: саамском, коми, русском и финском.

Бабушка в нашем доме царицей была, ее все слушались и повиновались ей. Она была не только грамотная, но и мудрая, с богатым жизненным опытом, который щедро передавала нам, красиво говорила, была настоящим лидером. Она искренне считала, что ни в коем случае не нужно учить детей говорить на многих языках, чтобы не запутывались, вполне двух хватит – саамского и русского...

Олени в нашей семье

Мои предки сначала жили в районе Ваенги, теперешнего Североморска, там семгу ловили, на полуострове Рыбачий стада оленей держали. Сколько было оленей у моей прабабушки – не ведаю, а вот у моего деда по линии отца было их триста голов. Когда коммунисты пришли, отобрали почти всех, оставив в личное пользование десятка три. А уж когда отец с фронта вернулся, мы последнего убили – белого. И оленей в нашей семье не стало. В свое время мой папа церковно-приходскую школу окончил и считался человеком грамотным. Бригадиром оленеводческой бригады работал и постоянно отчеты о поголовье оленей производил, правда, не своих – чужих. А чтобы нам переехать из Воронье в Териберку, нужны были олени свои. И чтобы их приобрести, пришлось родителям моим продать комод и сервант, привезенные отцом то ли с Финляндии, то ли с Норвегии, а вернее, выменять их на двух важенок. Вот эти важенки и стали заделом дальше для личного поголовья оленей в нашей семье уже в Териберке.



Первые шаги на пути становления любителя рыбалки и охоты

Бабушка меня считала везучим напарником и интересным собеседником, да к тому же я был еще и любимым ее внучком. И в любое время года брала она меня на заготовку дров, на рыбалку сетью или неводом, на заготовку кормов: сена, ягеля для овечек и коров.

Я умел ловить и сетью, и неводом, но больше всего мне нравилось поймать рыбину все же спортивным способом – удочкой, на «дорожку» или блесну. В те времена для этого нужно было самому готовить снасть. На удочки шли длинные молодые березки, а блесна вырезались из старых медных чайников, котелков или расплющенных медных монет двадцатых годов.

Как-то летом бригада из четырех человек, не считая меня, направилась на лодке на заготовку сена. Я взял с собой «дорожку» – блесну на длинной веревке, так, на всякий случай. Идем на лодке по реке, бабушка с тетушкой на веслах, дед Иван – рулевой. И хотя поймать что-нибудь по ходу лодки

надежды мало, я все же блесну в воду опустил. Солнечная погода, двигающаяся лодка, веревка не сопутствовали даже мало-мальскому успеху. Однако, проплывая быстрину, я вдруг почувствовал сильную поклевку, рыбина попросту повисла на моей снасти. Бабушка, заметив это тоже, стала мне помогать. И какова же была моя радость и всеобщее удивление, когда на дне лодки затрепыхалась щука килограмма на четыре! Доплыли до пожни, сварили знатную уху и после косьбы все ели ее да меня, рыбачка-кормильца, похваливали. Это пример удачной рыбалки, но бывало и наоборот.

Неудачная рыбалка

Стадо оленей с зимних пастбищ перемещалось на весеннее – место отела и далее на летнее – к спасительному морю от кровососущих тварей: гнуса, овода и комаров. Оленеводы за ними кочевали семьями со своими детьми – дошколятами. Школьники оставались дома, им пропускать занятия нельзя, и с собой родители их не брали. А уж из своих дошколят отцы пестовали, как могли, будущих оленеводов, правда, далеко не все в будущем надежды их оправдывали.

Отец на санях возвел небольшой домик с печкой буржуйкой, в котором я с родителями в довольно комфортных условиях с весны до глубокой осени и жил.

Мне тогда было лет семь, и во время одной из остановок нашего саамского табора на берегу озера я решил попытать свое рыбацкое счастье. Не помню где, нашел большой крючок, привязал его к толстой веревке, наживил на крючок кусочек мяса и на мелком песчаном месте в нескольких метрах от берега бросил приманку в воду.

Съездив с отцом и другими оленеводами на настоящую рыбалку неводом и поймав много рыбы, мы вернулись на стоянку. Но я спешил проверить и свою, отдельную снасть. Каково же было мое удивление, когда я в воде увидел большую щуку с моим крючком во рту! Стал рыбину к берегу тянуть. Тянул, тянул, да недотянул, щука с крючка сорвалась и на глубину ушла. Я огорчился, конечно, сильно, но это послужило и наукой мне – в следующий раз готовить снасть добротно стану, не полагаясь на авось. Я очень любил рыбу ловить, любил охотиться, да и рассказывать про это любил, но никогда не обманывал тех, кто слушал меня, своими достижениями.

Учи ребенка, пока он поперек лавки лежит

Вспоминая старое время, бабушка рассказывала.

Одному мальчишке пришла в голову грешная мысль. Ушел он подальше от села, спрятался в кустах и решил кого-нибудь из саамов напугать.

Едет по тундре оленевод, не ведая, что его ждет, и вдруг из кустов с криком мальчишка выскакивает. Испугался олень, метнулся в сторону, да, видимо, на камень попал, ногу сломал. Забежал мальчишка в кусты, наблюдает, что дальше будет. Вытащил саам нож, убил оленя и мальчишке говорит: «Ну что, ты свое дело сделал, иди ко мне, теперь будем оленя пластать». Мальчишка идти не хотел, но саам все же уговорил его помочь. Когда шкуру сняли, отрезал оленевод у оленя сломанную ногу и стал ею со всей силы дубасить мальчишку, да так поколотил, что тот чуть живой домой приполз. А после ему совсем худо сделалось, лежит, умирает. Матери прохрипел: «Наклонись, я тебя носом коснусь» (у саамов целоваться в прямом смысле этого слова не принято было, вместо поцелуя носами касались). Мать наклонилась, думая, что сын собирается проститься с ней, а сын взял и откусил ей нос, а после сказал: «Плохо ты меня, мать, воспитала. Воспитала так, что я человеку зло причинил, и человек за это меня проучил, да так, что теперь умираю я».

Не зря же народная мудрость гласит: воспитывай ребенка, пока он поперек лавки лежит, где подзатыльником, а где и покрепче наказанием. Зато, когда вырастет, благодарен будет.

Как родные меня однажды чуть не потеряли

Когда мы по снегу уезжали на весенне-летне-осеннее стойбище, что от Вороньей находилось километров пятьдесят в сторону моря, остановились передохнуть. На весеннем стойбище в это время проводился отел важенок, клеймение телят. Стада до отела были на тысячи полторы-две. Заклеймят саамы телка и за матерью на вольный выпас к морю отпускают. Смотреть ходили, чтобы только волки не повадились. Военных баз по побережью тогда не было, браконьерством не занимался никто, и бояться, кроме волков, было нечего. На стоянке жили мы в веже, и бабушка рассказывала, что я, будучи маленьким, свободно и вольно бегал вокруг стойбища.

Однажды мама да бабушка с тетушками, занимаясь в веже каждая своим делом, что-то бурно обсуждали и совсем забыли обо мне, а когда вспомнили – меня и след простыл. Испугались, давай искать. Переискали всю округу – нигде нет. И звали, и кричали – пропал ребенок. Совсем отчаялись: недалеко река, а вдруг утонул? Когда зону поиска расширили, на болоте нашли, где, свернувшись клубочком, спал между кочками маленький путешественник лет трех-четырех.

Моя бабушка

Бабушка моя не только знала сказки саамские, русские, но еще и на гармошке умела играть, как, впрочем, и отец. Когда война началась, повесила бабушка гармошку на стенку и пять лет ни разу никто ее в руки не взял. А та висела, висела, да отсырела так, что для игры непригодной стала. А я потом частенько за бабушкой наблюдал, как она, сидя за столом, играла пальцами по столешнице, точно по клавишам.

А еще мне запомнилось: когда в селе узнали, что война кончилась, все на своих домах стали флаги развешивать, а где кумача-то взять? У бабушки в сундуке праздничный фартук вишневого цвета лежал, лучших времен ждал. Берегла она его, как, впрочем, и свой светло-зеленый сарафан. А в День Победы достала фартук из сундука, прибила к древку, сотворив своеобразный флаг, и приколотила к углу дома. Так наш дом с флагом достойно встретил в селе День Победы.

Начало войны

Жили мы с родителями в весенне-летнем стойбище. Как-то поехал отец со мной дрова заготовлять, и вдруг увидели мы, как летит по небу какой-то темный мрачный самолет с необычной камуфляжной расцветкой. Грозно летит. И от этого зрелища в душе моей сделалось так нехорошо и тяжело, что не высказать, точно моя детская душа раньше моего ума почувствовала, какую страшную угрозу несет этот тяжелый самолет людям, хотя и видел я его впервые и должен был бы по идее обрадоваться этому зрелищу. А через

несколько дней прибежал к нам из Воронья дед, осилив пятьдесят километров по тундре, и страшную новость принес – война началась. Было это в конце июля – начале августа. Вот только когда мы и узнали о войне. Поймали пастухи оленей, запрягли их в сани и семьями в Воронье помчались, а там уже все собрались, причитают, охают, рыдают. Война – нешуточное дело…

Этакая бомбочка

Когда в селе о войне узнали, ребятишек в школе собрали. В это время пролетающий мимо самолет бомбу сбросил, та упала у школы и покатилась по улице. Долго катилась и в какой-то момент встала. У жителей Воронья событие это вызвало неподдельный интерес. В ту пору люди не знали еще, что бомбы разные бывают, в том числе и с часовыми механизмами, а потому смело всем селом собрались около нее. Стоят, обсуждают, что делать с ней. Некоторые смельчаки даже залезли на нее, прыгать стали, а кто-то даже из дробовичков палить начал. Но оживить бомбочку так и не смогли. Тогда, опутав ее сетями и веревками, потащили к реке. Вряд ли они вообще знали, что это бомба. Просто упало что-то с самолета невиданное... Военных-то в селе не было. Дотащили странную бомбочку до речки и сбросили в воду с берега. Слава Богу, в ней повредилось что-то и она не взорвалась, а иначе села бы уже не было…

Военные

Позже, уже во время войны, поселились в нашем селе несколько военных, у которых я впервые радио услышал. Стоит такая диковинная черная тарелка на столе, а из нее слова разные доносятся. Много раз я вокруг стола прошел, рассматривая эту странную конструкцию, но так и не понял, что в ней за волшебник сидит, говорящий на русском языке.

Не знаю, какую службу эти военные у нас в селе несли, только спустя несколько месяцев одна женщина от одного военного мальчишку родила. А местная ребятня от них поживилась интересными пулями, из которых мы доставали порох, используя его для своих дробовиков и самодельных пистолей. Однажды у меня в руке пистолетик такой взял и взорвался, так мать так ругала меня! На испуг взяла, что я либо умру, если еще пистоль в руки возьму, либо кишки изнутри вылезут.

С нулевым КПД

В Воронье до войны у многих саамов коровы были, не имела их только голь перекатная.

Как-то поехали мы с бабушкой сено для Буренки и овечек косить. Бабушка горбушей (небольшой косой с короткой ручкой и изогнутым лезвием) сено махом справа налево валила, а я наблюдал. И обратил внимание, что слева направо горбуша переносилась ею вхолостую с нулевым КПД. Когда бабушка устала и присела отдохнуть, я впервые в жизни взял горбушу в свои руки. Косил, как принято по традиции – рабочий мах справа налево, холостой ход слева направо. Но тут меня осенила мысль: а почему бы холостой ход горбуши не превратить в рабочий? Для этого было достаточно только повернуть горбушу в руках по окончании рабочего хода и валить сено уже слева направо. И стал я валить сено махами горбуши в обе стороны, но бабушка мое нововведение почему-то себе на вооружение не взяла.

Первый заработок

Самый первый заработок у меня случился, когда я учился в начальных классах. Ученикам школы дали задание – заготовлять кору ивы для дубления шкур. Мы на целый день уезжали на лодках в иловые чащи и драли там лыко, связывая его в снопы, а затем привозили и сдавали эти снопы в магазин. Не знаю, каким образом магазин с нами рассчитывался, потому как руководил всем этим предприятием мой старший брат, работающий в Воронье избачом[2], вот он нам какие-то копейки за работу и давал.

[2] Избачами называли первых библиотекарей

До серебряной медали не дотянул

Память у меня была хорошая на немецкий язык и физико-математические науки, а на русский язык и историю – никудышная, потому в начальной школе я по истории троечку и заработал, остальные четверки и пятерки стояли.

И когда в пятом классе я приехал в Териберку, педагог Николай Иванович Аверин попросил показать мне свидетельство об образовании. Достаю его из портфеля и протягиваю Николаю Ивановичу.

А до этого я, посмотрев свое свидетельство и обнаружив в нем единственную тройку по истории, решил ее тут же исправить на пять. И только потом увидел, что «три» и в скобках было написано. Моя попытка обмануть учителя не прошла. Но если в Воронье учеба мне в тягость была, то в Териберке в радость.

К седьмому классу я в учебе выпрямился и семилетку окончил на четверки с одной единственной тройкой по Конституции СССР. И все думал, почему Николай Иванович мне по немецкому-то языку пять не поставил? Но вопрос этот ему задать постеснялся. А десятый класс окончил и вообще только с двумя четверками. Мне многие говорили: «Пересдай «Конституцию» – и у тебя серебряная медаль будет», – но я не захотел.

Смекалка

Во время войны я ходил частенько на ловлю рыбы под названием гальян, что с саамского означает «железные рыбки». И чтобы их больше наловить, я находил бутылки, у которых дно имело углубление. Камушком в конце дна дырочку выбью, и рыба, следуя в бутылку за приманкой, выплыть из нее уже не может. Здесь я своего рода смекалку проявил. Маленький был, а догадался ведь, что рыбина, ударяясь об это выгнутое дно, выхода назад не найдет. И порой «железных рыбок» в бутылке набивалось столько!!!

Проводник

Помню, как, окончив седьмой класс, я с отцом однажды в августе месяце, в пору овода, комара и гнуса, когда человека и оленей эти твари точили безбожно, переправлял группу ботаников из Териберки в Воронье – расстояние 80 километров. Одной упряжкой шел отец, другую вел я, пацаненок ростом метр сорок и весом – сорок килограммов, что для управления четырьмя олешками, прямо сказать, маловато было. На санях сидеть нельзя – пешком практически весь путь идешь, а на сани отдохнуть запрыгиваешь только, когда болото на пути встречается, по нему они легко идут. Так и шагаешь за упряжкой: в одной руке хорей, в другой – вожжи.

Но это все мелочи по сравнению с тем, что после пятого класса я ревматизмом заболел. И по пути в Воронье у меня как раз обострение этой болезни началось.

Утром проснусь – голеностопные суставы крутит сил нет. Влажные тоборки[3] за ночь высохнут, колом стоят, и ноге в них поначалу так больно, хоть плачь, но мало-помалу, слегка хромая, расходишься – и опять в строю, виду-то, что тебе плохо, нельзя подать – отцу одному не справиться… В ту пору я еще не знал, что ревматизм суставы лижет, а сердце – гложет.

До Воронья с туристами и со всем их скарбом добирались неделю. В Воронье передохнули несколько дней и в обратный путь направились. Но тут уж мы с отцом на сани в одну упряжку сели, и за день до Териберки долетели. Отец все шесть оленей в одну упряжку запряг, и помчали они нас, милые. А когда в Териберку-то приехали, у меня вся куртка, брюки коричневого цвета от торфа были, что из-под копыт оленей летел. Вот это поездочка по тундре была, до сих пор помнится!

[3] Тоборки (тубэрк) – повседневная обувь высотой до бедер, шьется в основном из темного меха ворсом наружу, носится поверх меховых чулок, привязывается к поясу завязками.

Благодаря заботе бабушки, отец остался жив

Отца моего с передовой линии фронта вызволила бабушка. Отец очень метко стрелял, даже значок «Ворошиловский стрелок» имел. Когда на войну призвали, в стрелковый батальон попал, который в первые месяцы войны находился на запасном пути. Рядом с Вороньем в это время организовалась бригада оленье-транспортная, а командир этой бригады влюбился в дочь председателя нашего колхоза Ботина и взял в жены ее и затем частенько в село к ней наведывался. Вот моя бабушка с просьбой к этой женщине и обратилась. Та к мужу, чтобы запрос сделал и затребовал моего отца в свою оленье-транспортную бригаду как оленевода прекрасного.

Так отец появился в отряде у него. Стараниями своими бабушка и спасла сына от неминуемой гибели. А попади он на передовую со своим стрелковым батальоном, погиб бы, как пить дать, погиб. Ведь тогда не битва – бойня была, солдатиков вместе с командирами точно в мясорубке перемалывала. Что ты с винтовочкой против автоматов фашистских сделаешь, когда фрицы поливают из них, круша все и вся на своем пути. Так отец, благодаря заботе моей бабушки и своего Ангела-хранителя, остался жив.

Кричит мне кто-то: «Иди быстрей, отец с войны приехал!»

Я думаю: «Как это мой отец приехать может, когда на фронте он?» А оказалось, и правда. На самом деле отец мой с капитаном олене-транспортной бригады на двух упряжках в Воронье приехал. Так в родном доме и оказался. Застолье сделали, а после мы с отцом (я тогда в начальной школе учился) поехали оленей на ночь на прокорм привязывать. Я с малых лет умел саамские узлы вязать, чтобы они по требованию в один миг развязывались.

Однажды по этому поводу бабушку с тетушкой насмешил. Развязываю узел, а он не поддается никак. Я в детских сердцах по-саамски произношу: «И кто это узел закрытыми глазами завязывал?»

Узлы саамские не глухие, их можно легко развязать. Даже на морозе веревка застынет так, что кажется – не развязать никогда, а стоит потянуть, и

узел тут же подастся тебе. А если человек не умеет саамские узлы вязать, глухой петлей затянет, то уж тут ты его не развяжешь никогда.

Отец меня всегда привязывать оленей брал. И я с радостью помогал ему. Вязал в нужных местах, где они и запутаться не могли, и ягеля, корма для них много было бы. И хотя я в начальных классах учился, отец оленей доверял мне всегда.

Во все времена родители детей приучали к труду, и это нормально. Это была подготовка детей для будущей взрослой трудовой жизни, не то, что происходит во время нынешнее. Из детей стали тунеядцев растить, мечтающих только о легких больших деньгах, а к труду совершенно не приспособленных.

Ангелы-хранители

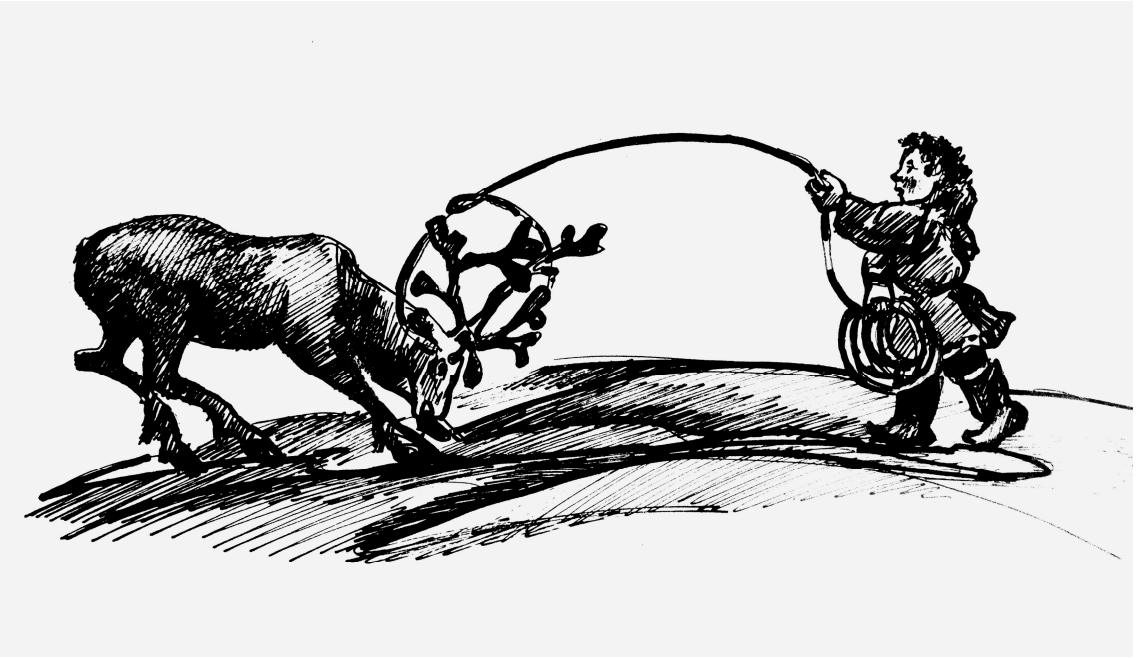
Я родился 21 ноября по святцам в день Михаила архистратига, или просто в Михайлов день, но моя верующая бабушка крестила меня Василием. А вышло это потому, что дедушка мой бабушке наказ дал: следующего внука, то есть меня, назвать в его честь Василием, мол, будешь «ты внука Василия, будто меня, на коленях держать». Однако нарушения в том, что бабушка нарекла меня Василием, не было, потому как 20 и 22 ноября по старому стилю отмечались как дни святых Василиев.

Василием меня записали и в метрике рождения в Воронье, а вот каким образом какой-то документ ушел в архив Ловозера с тем, что я Михаилом назван, никто понять не мог. Так у меня стало два Ангела-хранителя – Василий и Михаил, отчего я и считаю себя вполне везучим человеком. И это не просто слова. Однажды на рыбалке, когда я заводил мотор, меня силой инерции с лодки выбросило. И в воде торчу я, точно поплавок, а лодка вокруг меня метрах в сорока круги наматывает. На воде ни души, хорошо я, будучи студентом в Ленинграде, плавать научился. А ведь сампо-лопарята далеко не все плавать умеют, вода-то

у нас холодная. И вот я в резиновых сапогах, кожаной куртке болтаюсь в воде. Небо ясное-ясное, солнышко вот-вот садиться начинает... Подумал было кричать: «Помогите, спасите, тону…», – так вроде не тону, плавать-то умею, и лодка рядом ходит… Я, когда из лодки-то упал, меня винтом по спине ударило, хорошо в кожаной куртке был, только шпонку срезало. И тут решил я наперерез к лодке плыть, первый раз не рассчитал, проскочила лодка, подождал немного и новую попытку сделал – успешной оказалась. Я кое-как в лодку влез и тут уж из последних сил закричал: «Помогите!» И, как в кино, к моей лодке одновременно подплыли еще две, причем в одной оказался сын лаборантки, с которой я работал. Вот он меня на Семерку и доставил. А там у меня машина, завел и в больницу поспешил. На скорой помощи мне рану на спине обработали, и только после этого я домой отправился… Были в моей жизни и такие случаи…

Имание оленей

Это мне уже было 13 лет, когда мы жили в Териберке и я с отцом после учебного года уезжал на весенне-осеннее пастбище. В пору весеннего пастбища, во время отела, я жил с отцом в чуме, где помимо нас с отцом жили еще три оленевода и две чумработницы. Чум был большой. И однажды собрались оленеводы ловить оленей. Мне один из молодых оленеводов дал аркан. Я поупражнялся с ним, вроде бы получалось хорошо. В детстве мы все арканы на оленьи рога накидывали, собак на них ловили, что было делать довольно тяжело, это и вырабатывало в нас, дошколятах, сноровку и автоматизм. И вот, приехав с отцом в териберское стадо, я решил попробовать уже настоящего оленя словить, тем самым и взрослым помочь. Взрослые-то парами ловили, а у меня напарника не было, да и кто меня напарником возьмет при моем-то метре с кепкой! Что я тогда сделал – встал на то место, где стадо меня стало бы при ходе обтекать, как оно это делает, когда на пути, например, большой камень встречает. И, наблюдая за оленями, я стал чувствовать, какого оленя арканить нужно. Такой бежит и голову прячет, рога свои бережет. Это было весной, а весной у оленя панты-рога довольно



большие уже и очень чувствительные, потому олени их в это время особенно

берегут. И вот, когда такой олень недалеко от меня бежал, я тут же набрасывал ему на рога аркан. Оленеводам выбрать нужного оленя труднее было, тот олень, что чувствует – ловят его, за другими хоронится, а потому в потоке точно бросить на бегущего оленя аркан довольно не так легко. А мне, оказавшись в самом центре потока, это сделать было нетрудно. И ведь вот что интересно: страха, что олени могут задавить, у меня совсем не было. Да и отец не сказал, мол, берегись, они могут задавить тебя. В ту пору, как я уже заметил, рога у оленей маленькие и очень чувствительные, а потому и боднуть ими они меня не могли. Помню, как весной старым оленям рога подрезали, чтобы они не могли бы с молодыми быками-производителями в бои вступать и давали потомство здоровое. Так вот эти самые обрезанные рога мы тогда на огне поджаривали и ели, и такие они нам вкусные казались, особенно самые кончики…

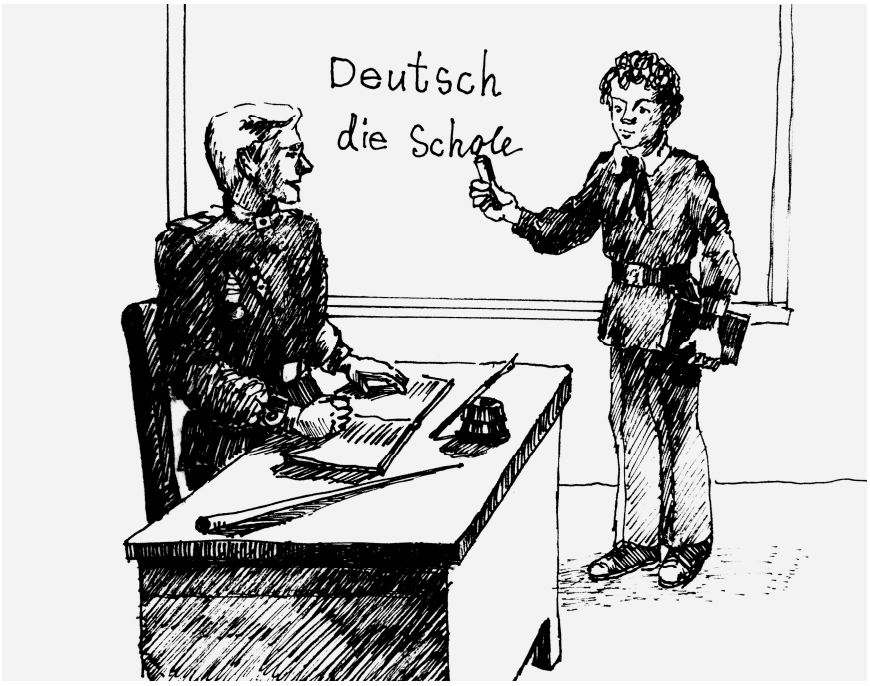
А на похвальбу сампо-лопарята скупы, а ижемцы и пуще того. А потому отец за то, что я оленей арканил в помощь им, даже не подумал похвалить, да, впрочем, я этого и не ждал. Это была наша обычная жизнь, мне хватало и одобрительного взгляда отца. И от матери не припомню, чтобы она за что-то нас хоть раз похвалила. Хвалила иногда только бабушка.

От коми культуры

Сампо-лопарята поначалу ездили на одном олешке, запряженным в кережу – своеобразных санях-лодочках, и этого им было вполне достаточно. Когда же коми народ на саамские земли пришел, принес он сюда и культуру свою с санями да оленьими упряжками. Саамы народ смышлёный, оценив удобный способ их, тоже стали ездить, на санях. Ездили на двух оленях, на трех, на четверке, иногда весной и пятого запрягая.

Немецкий язык

Любовь к немецкому языку у меня прорезалась в пятом классе, когда я учился в Териберке. Немецкий язык там вел Николай Иванович Аверин, очень требовательный учитель, талантливый, рожденный от Бога педагог. Помню, как на одном уроке мы, пятиклашки, чем-то стали отвлекаться и появился гул. Учитель стоял около доски к нам спиной и объяснял урок. А мы были кто во что горазд. Вдруг раздался страшный грохот. Это учитель покраснел и со всей силы ударил кулаком по столу. Мы оцепенели. Возникла мертвая тишина. С тех пор, чтобы мы на его уроках без дела рты раскрывали – никогда. Он взял нас на испуг. Элемент педагогики, примененный им, был для нас и своевременным, и очень мощным.



Мне немецкий давался легко. Николай Иванович приходит на урок и начинает перечислять: Бауман, Басовский, Селиванов – пять... Вот и сегодня на немецком языке мне писать проще, чем на саамском, так я полюбил его. Стихи на немецком языке, что в школе учил, до сих пор наизусть помню, в том числе и «Гимн Советского Союза» на немецком языке. А в письменном саамском грамматика такая сложная, что я так и не освоил её…

Николай Иванович Аверин

И еще мне хочется о Николае Ивановиче Аверине сказать. До того, как он стал у нас в школе немецкий язык преподавать, среди учеников слушок прошел, что выучил он этот язык во время войны, когда в плен попал. С первого урока, с первого слова Николай Иванович говорил с нами только по-немецки. Так нас языку учил, что мы даже при общении с ним на немецком мыслить начинали. А это очень важно: не просто на том или ином языке говорить, но еще и мыслить на нем. Вот я на родном саамском языке уже сейчас мыслить не могу, я мыслю на русском, и только потом мысли свои перевожу на саамский. Мне жаль, что Николай Иванович немецкому языку учил нас только три года, и мы не успели его освоить, как родной. У меня немецкий шел довольно легко, и я даже как-то в сочинении то ли в шестом, то ли в седьмом классе на тему «Кем ты хочешь быть?» написал, что хочу стать учителем немецкого языка.

А как-то Николай Иванович признался нам, что познания немецкого языка в плену у него на самом деле были практически нулевыми, а освоил он немецкий язык уже после окончания войны, оказавшись в Австрии, и только разговорный. Когда же в Териберку приехал, нужно было на работу устраиваться. Узнав, что он владеет разговорным немецким языком, предложили его в школе преподавать. Так он стал учителем. Затем в Москве заочно поступил учиться в пединститут иностранных языков имени Мориса Тореза, впервые появившись в столице в тоборках и малице. И, проходя по коридорам престижного в то время вуза, ловил на себе удивленные взгляды – и что это за чудо такое идет? Успешно окончив пединститут, 15 лет работал в Териберке учителем немецкого языка. В 1957-м был приглашен на работу в Мурманск ответственным секретарем Мурманского обкома профсоюза работников просвещения. Преподавал и возглавлял отдел народного образования Мурманского горисполкома. Вот так он, простой териберский мальчишка, достиг высот областного уровня.

Игра в войну не прижилась

Как только в Воронье из Ловозера, окончив шестой или седьмой класс, приехал Федя, мой старший брат, он сразу всех нас заразил игрой в войну. И стали мы делать винтовки, гранаты, пистолеты, портупеи, погоны, ремни… А у самого Феди настоящая кобура была и комсоставский настоящий ремень, выпрошенные им у дядюшки, а как те у дядюшки оказались – уже и не вспомнить. Так вот, Федя, присвоив себе звание генерал-майора, вышел к нам важный, в погонах из картона и расплющенной алюминиевой проволоки, и отдал нам приказ бежать с автоматами, пулеметами и гранатами на край села, где и развернулось настоящее сражение. Правда, провели мы только одну игру. Никому не хотелось фашистом быть. Пыл поостыл, и уж больше в войнушку не играли мы.

Азарт охотника

Нам, мальчишкам, без рогатки по селу ходить и по птицам не стрелять было практически невозможно. Тут даже слова старших о том, что в птиц души умерших людей переселяются, а потому бить их нельзя, особо не действовали. И я однажды такой грех на душу взял! Тринадцать штук за день настрелял. А после переключился на более крупную дичь, стал в лес ходить. Весной было дело, когда птицы еще не встали на крыло, из рогатки сразу двух небольших куропаток и подбил. Однако родные эту мою охоту не поддержали, сказав: сам птиц набил, сам их и обрабатывай. Ну, а этого мне делать не хотелось совсем, да и птиц вдруг жалко стало, а потому недолго я с рогаткой промышлял.

Когда в Териберку приехал, отец мне уже свою малокалиберную винтовку доверил. В Воронье-то у нас, дома, американская берданка была, что дед из Ловозера отцу передал. А война началась – к нам председатель колхоза зашел и сказал: «Если есть ружье у вас, требуется его сдать». Вот мы и сдали, ума спрятать его не хватило, а как бы оно пригодилось в голодные годы на охоту ходить! Но увы и ах.

В Териберке отцу, как пастуху дали облегченную малокалиберную винтовку со слабой убойной силой, вот с ней я и пошел на куропаток охотиться. Заметил: куропатка, подраненная уже, но все же взлетит, метров сто пролетит и только тогда упадет. Найти в тундре не трудно ее, не то, что в лесу. И каких мне только советов не давали, чтоб птицу сразу валить! Кто говорил, чтоб в пульке отверстие делал, другие советовали разрезать ее крестом. Но поохотиться мне недолго пришлось – и эту винтовочку забрали у нас…

Трещина в рост мальчишки

Когда мы в Териберку приехали, кто-то из посельчан предложил бабушке треску-трещинку купить, только и оставалось взвесить ее. У бабушки в обиходе был оставшийся безмен с обозначенными фунтами и отцом на разделитель нанесенными килограммами. Вот этим безменом трещинку и нужно было взвесить. Поднять бабушке ее сил уже не хватило, позвали мальчишку соседа лет 15-16, что приехал сюда из блокадного Ленинграда. Он треску-то за жабры на крюк безмена прицепил, взял его в две руки, поднял – и мы увидели, что рыбина оказалась как раз в его рост. Руки вытягивает, а хвост трески как раз пола касается. Безмен 25 килограммов показал. Вот тогда я впервые и увидел столь крупную рыбину.

Бильярд

Не знаю уж, откуда в Воронье бильярд во время войны доставили, только появился он у нас, и мы с мальчишками, обучаясь в начальной школе, очень быстро освоили эту игру, с удовольствием загоняя в лунки металлические шарики. И когда я приехал в Ленинград учиться в институте и обнаружил там подобный бильярд, то удивлял всех аборигенов от Мурманска до Чукотки своим умением играть в него. Когда же меня спрашивали, откуда я научился так ловко загонять в лузы шары, я, не скрывая, признавался, что опыт этот мною был приобретен еще во время войны в начальной школе. Сын мой себе на дачу уже в наше время тоже приобрел бильярд, и решили мы разыграть партию. Раз я его обыграл, второй, потом зятя обыграл, после чего они тоже удивленно спросили, где и когда это я научился так ловко играть. И им признался – в начальной школе. И понял: навыки, в детстве приобретенные, сохраняются на всю жизнь.

Оглавление

Как я на коньках катался…….. 2

Коньковый ход на лыжах……... 3

Ложь во имя доброты,……,,,, 4

Коми народ твердый, а саамы – мягкий, покладистый…….. 5

Любовью к чтению я обязан бабушке…….. 7

Похоронил жену – женись на девушке…… 8

На четырех языках…….. 9

Олени в нашей семье…… 10

Первые шаги на пути становления любителя рыбалки и охоты…….. 11

Неудачная рыбалка……...……..... 12

Учи ребенка, пока он поперек лавки лежит……... 14

Как родные меня однажды чуть не потеряли…… 15

Моя бабушка……. 16

Начало войны…… 17

Этакая бомбочка…… 18

Военные…….. 19

С нулевым КПД……. 20

Первый заработок…….. 20

До серебряной медали не дотянул…….. 21

Смекалка…… 21

Проводник…….. 22

Благодаря заботе бабушки, отец остался жив……... 23

Ангелы-хранители…… 25

Имание оленей…….. 27

От коми культуры…… 28

Немецкий язык…….. 29

Николай Иванович Аверин…….. 30

Игра в войну не прижилась……. 31

Азарт охотника…….. 32

Трещина в рост мальчишки…… 33

Бильярд…….. 34

Автор: Надежда Павловна Большакова

Правдинки Василия Селиванова.

Верстка А.А. Челтыбашев
Художник Т.Ю. Кугавда
Редактор Д.П. Беляев

АНО Арктический центр научных исследований и экспертиз
183031, г. Мурманск, ул. Халатина, 7.

Подписано в печать 22.12.2014 г. Формат 60х90/+ (А4).
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в ООО «Полиграфист»